

классики
татарской
литературы

Письма Мухаммету Магдееву

Аяз любил писать письма своим друзьям. И нашёл способ оставить их в истории литературы. Для этого вторые экземпляры он складывал в папки – свой домашний архив. Время от времени доставал ту или иную папку, перелистывал письма, приговаривая: «Мои думы-мысли, мои суждения-оценки о книгах и людях ещё послужат на пользу общего дела».

Отношение Аяза Гилязова к Мухаммету Магдееву как к писателю, тонко чувствующему нюансы национальной культуры, живо и точно передающему народные обычаи, своеобразие и богатство языка,

Аршины

было очень тёплым. Аяз сравнивал наблюдательного Мухаммета Магдеева с беркутом, с высоты своего полёта озирающего родные земли, замечаящего мельчайшие особенности ландшафта, видящего то, что простому глазу видеть не дано. Аяз умел от души радоваться творческим удачам коллег по литературному цеху. Он умел разглядеть успешные, положительные стороны произведений, поддержать автора, вдохновить на новые книги. Я знаю немало литераторов, видящих в любой, даже выдающейся вещи, только отрицательные моменты. Аяз не был таким. И в слабых текстах он мог разглядеть рациональное зерно, дать дельный совет, подсказать как спасти произведение, как лучше высветить находки, как усилить задуманное в целом. Он ведь никогда не занимал высоких должностных постов. Тем не менее к его слову прислушивались, зачастую оно было решающим.

Когда в 1990 году вышла в свет книга Мухаммета Магдеева «Бэхиллә-

шү» («Прощание»), то автором предисловия к ней был Аяз Гилязов. Он сам взялся написать вступительное слово, так как книга не оставила его равнодушным. Мухаммет был очень доволен. Он подписал авторский экземпляр:

«Аязу Гилязову – личности динамичной и беспокойной, заставившему меня краснеть от чрезмерных похвал, с чувством благодарности. Да благословит тебя Аллах!

М. Магдеев».

Ознакомившись с «Казанским альманахом» и оценив его художественно-эстетический уровень, решила предложить письма Аяза Гилязова к Мухаммету Магдееву для публикации в нём. Оба они, народные писатели Татарстана, лауреаты Государственных премий, были незаурядными личностями. Думаю, что читатель – любитель ли он литературы, профессиональный ли писатель – найдёт в них немало интересного и полезного.

Накия Гилязова

13 августа 2008 г.

26 октября, 1986 г. Пицунда

«Мужики хандрят, парни бесятся, пацаны из рубах своих рвутся, и всё оттого, что давно войны нет. Когда мирное время затягивается, мужики железо грызть начинают».

(Из услышанного. «Записная книжка»)

Мухаммет!

Я здесь, на берегу Чёрного моря. Всё по-старому – и море, и волны, и ущербный месяц, сгорбившийся и побледневший с восходом солнца, и каменистые пропасти по дороге к Рице. И тебя нет рядом, и никто с балкона люкса не окликнет: «Эй, классик, номер мой на втором этаже, как раз над входной дверью!» Как только опускается вечерняя тишина, начинают хлопать двери... А тебя нет. Ску-

Аяза Гилязова

С Мухамметом Магдеевым. 1987 г.
Публикуется впервые

чаю, честно говоря. В прошлом году написал письмо одному нашему общему другу, в котором дружески покритиковал тебя. Не знаю, передал тебе он это или нет... (Речь идёт о письме Миргазияну Юнусу, где Аяз в шуточной форме писал, что Магдеев, мол, любит только самого себя. После смерти Аяза Миргазиян опубликовал это письмо в газете «Шахри Казан», чем заметно испортил свежий воздух современной татарской литературы. – прим. Н.Г.) Но нынче весной, после того, как Гариф Ахунوف раздарил, наконец, Тукаевские премии и после того, как один наш общий знакомый ехидно заметил: «Ну что, не досталась вашему Магдееву премия!», захотелось пообщаться с тобой в письме как с другом, как с близким по духу человеком.

В Тукаевские дни прочитал твои заметки и получил истинное наслаждение. Написаны они с любовью, от всего сердца. До сих пор я не задумывался о матери Тукая, а после твоих заметок всё чаще думаю «о великой матери, которая умерла, не зная, кого она родила на белый свет». В общем, отношение моё к Тукаю в последние годы стало более отчётливым, уважение к нему всё растёт, а после прочтения его памятных слов на обороте своей фотографии, подаренной сестре, на глазах невольно навернулись слёзы, отчётливо слышу внутреннюю мелодию, внутреннее волнение его обращения: «Мушфика-апа!»... Были удивительные люди, были удивительные отношения... Ты хорошо понимаешь это. Значит, факты жизни Тукая волнуют тебя, ты принимаешь их близко к сердцу. Пониманием Тукая я обязан одному человеку – Якубу Агишеву. У каждого учителя есть свой любимый конёк. Только, образно говоря, на нём он может вступить в гонку за истиной. У А.А.Исбаха, который преподавал на Высших курсах зарубежную литературу, таким коньком был А.Экзюпери. Я этим двум людям – преподавателям своим – благодарен всю жизнь. Тукая, конечно, надо открывать заново. Я с весны всё думаю: почему ты не напишешь роман о Тукае? Да, пробовал

писать Ахмет Файзи. И сейчас о Тукае пишут много, но ни в одном из этих произведений нет гордого, великого Тукая. По этой части художники нас, писателей, опередили. Не налюбуюсь маленьким Тукаем Казакова... Пишу тебе как писателю и учёному, который по-настоящему любит Тукая, знает его. Если мы не оставим правдивого романа о Тукае, то получится, что наше поколение не выполнило свою миссию. Я так думаю...

Дни идут, двенадцатого июня проводил младшего сына Рашата в армию. Из наших многие отслужили. Большинство из них были деревенские ребята, привыкшие к трудностям. Но, оказывается, до сих пор я никогда не был отцом, сын которого ушёл служить в армию. Что-то совершенно новое! Тебя и твои отрывистые высказывания при нашей последней встрече, твоё состояние я смог понять только теперь, когда проводил своего собственного сына. Воистину человек не понимает другого, пока сам не испытает то же самое. Особенно взволновала меня последняя встреча и разговор о тюремных порядках в армии. Теперь я хожу и постоянно думаю: не только в армии! Одни имеют безграничную власть, другие подчиняются им беспрекословно, угодничают. Одна группа людей пользуется всем, что добыло целое общество. Встретив сопротивление, берут силой. И всюду царят бессердечие, жестокость. А это ведь тюремные атрибуты, существующие там испокон веков. Разве они только в армии? Сравниваю и прихожу к такому выводу: да, тюремные законы верховенствовали, они проникли в кровь человеческую. Прошли мы через это страшное время, когда всем заправляли случайные люди с неограниченной властью.

Я частенько перечитываю «Записки из Мёртвого дома» Достоевского, сравниваю с положением в тюрьмах, лагерях, где довелось мне побывать. У Достоевского – убийцы, грабители, воры... Лагеря, в которых мы пребывали, были перемешанными – уголовники, политические... Персонажи Достоевского всё-таки имели какую-то человечность, у них оставалось почтение к старшим, взаимное уважение и мало-мальская теплота друг к другу. Люди лагерей, где приходилось отбывать срок нам, будто поголовно состояли из зверей, готовых в любую минуту вцепиться в горло друг другу. Понимаю, это плоды своего времени...

По просьбе Рашата в конверты с письмами к нему мы вкладывали бумажные деньги – рубль, три рубля... Но они не доходили, кто-то вскрывал письма, вытаскивал деньги и опять конверты заклеивал. Или, взяв деньги, рвали послания. Наш сын одно время даже перестал получать от нас письма. Везде, на каждом по жизни тёплом месте сидят грабители – и крупные, и мелкие. И нет у них ни милосердия, ни сострадания, ни доброты. Вот что страшно... Теперь, немного опомнившись, пытаемся в жизни страны изменить что-то. Ой ли, когда дерево сгнило, какая польза поливать его? Остаётся спилить, посадить новое и ждать, когда оно вырастет? Наше поколение – испорченное поколение, надеяться надо на молодёжь. Но мы потеряли пути к сердцам молодых, они не верят нам. С горечью об этом и «ЛГ» пишет. Наверное, видел последние номера? Если представляется возможным обмануть старость, то молодость не обманешь. У молодости взгляд зоркий, слух вострый.

Погода здесь разная. Бывает тепло, бывает и прохладно. Есть тут один чуваш, но больно уж «левый». Очень труслив, ни о чём с ним толком не поговоришь. Когда встречаемся, шурум-бурум, то да сё – вот и всё. Не понимает он, что пришло время перемен. Гром гремит над Чебоксарами. Я пытаюсь объяснить ему это, а он лишь улыбается и будто отвечает: «Тогда надо закрыть уши подушкой».

Прошла жизнь, друг Мухаммет, прошла! Теперь такая пора, что не наяву двигаешься, а только во сне. Где только не побываю, когда сплю! Прыгаю, летаю, побеждаю... А наяву... Диабет... Ноет глазное дно, голова болит, ноги отказыва-

С супругой Накиёй. 1957 г.

ют. По примеру других пару раз окунул свои мощи в морскую воду – простыл. Больше судьбу не испытываю. Сажу над чужими рукописями – деньги зарабатываю. Скоро закончу. Это в последний раз, больше не буду продавать душу за какие-то кутарки.

Третьего в дорогу. Приеду на поезде. Сейчас выйду бросить письмо в почтовый ящик и пройду немного по двору. Пойду – и кажется мне, что услышу твой полушутливый голос сверху: «Эй, классик!».

Напиши-ка! Напиши хорошую вещь. Ведь литература наша измельчала, утонула в дерьме. Теряем читателя, он не будет считать литературу своей, когда она изменила ему.

До свидания. Поживём ещё!
Соскучившийся по тебе – Аяз.

* * *

30 сакавика (по-белорусски – март, красивое слово) 1989 года,
Переделкино

«Но горе той нации, у которой литература прерывается вмешательством силы: это не просто нарушение свободы печати. Нация не помнит себя, нация лишается духовного единства. Отживают и умирают немые поколения, не рассказавшие о себе ни самим себе, ни потомкам».

А.И.Солженицын.

Друг Мухаммет!
Выборы прошли интересно! Мир, Москва живёт этим! Наконец-то появился лидер, которого любит народ, надеется на него. Это – Ельцин. Когда вернулись

из Минска, своим глазам не поверили. Улицы оклеены-расписаны народным творчеством: «Голосуйте за Ельцина!». Всюду собирается народ и в полный голос выражает свои мысли. Хотел было пройти на улицу Горького, но заслушался и подумал: неужели мы, деревенские ребята, только вчера вышедшие из пещер, тоже превращаемся в цивилизованных людей? Надо же, я пришёл в литературу ещё в сталинское время и всю жизнь крик своей души адресовал простым людям: «Вы же все человеки! Живите же по-человечески!» Разве не во всех моих написанных вещах присутствует этот грустный призыв?! Наконец, и председателя Моссовета Сайкина скинули! Сколько секретарей обкомов полетело, точно щепки! И секретари ЦК летят кувырком! И происходят ведь на самом деле удивительные события. А Юрий Бондарев?! Чёрная душа, требующая нового Сталинграда! Занимался бы по-прежнему «своими» масонами, сионистами, а так, полез... И сломали ему хребет в его любимом Волгограде. Весть о том, что не прошёл Олжас Сулейменов, огорчила вот. Значит, народ ещё не един. О чём думает народ, по каким-то одним выборам не определишь, как никто не знает, что на уме только что избравшегося из берлоги после зимней спячки медведя. Дед Горбатов (имеется ввиду Горбачёв. – прим. Н.Г.) сказал: «Выборы покажут, кто из руководителей пользуется уважением, а кому надо подавать в отставку». Сдержит ли своё публично высказанное слово? Представляю себе, как утром приезжает на работу Сайкин, развалившись на сидении бронированной «Чайки», а там... Представляю себе состояние всех этих узколобых, каменносердных секретарей обкомов, всю свою жизнь изображавших бурную деятельность на благо народа... Жив ещё, оказывается, народ, жив!

Приехал изумлённый из бурлящего Минска, а узнал о московских событиях, дар речи потерял. Москва сходит с ума, мечется, палит из пушек. Москвичи выступают: «Союз писателей в его современном виде был организован ещё Сталиным и соответствовал его требованиям. СП служил орудием подавления талантов, уничтожения честных тружеников пера, мы от него отрекаемся и создаём независимый фронт писателей». Организован комитет под названием «Апрель»,

В заключении. 1954 г.

в газетах опубликованы его манифест и резолюции. Кто-то выступает против назначения на пост директора издательства «Совписа» Ан. Стреляного, который ещё в годы застоя громил её устои, кто-то ратует за возвращение на родину Александра Исаевича Солженицына и его произведений и т. д.

Что у нас – снег ли, дождь ли? Или по-прежнему наше небо ясно? Давно уже ни от кого не получал никаких известий. Ты, дружище, человек мобильный, давно уж, наверное, прочитал мою повесть «Рана». Высказался бы, хоть бегло, что думаешь о ней. В дремучем, покрытом белым, свежим снегом лесу кропаю одну вещь под названием «В чьих руках топор?». Брежу им и днём и ночью. Хорошо!

Миргазиян здесь перенёс тяжёлую операцию на сердце, стал тихим, говорит, что писать пока сил нет. Изредка встречаемся. Желая ему силы и душевного подъёма, интересная личность, творческий сундук его не оскудел, ему есть что сказать, пусть сегодняшние резкие перемены вложат в его душу новые слова. Стараюсь в меру своих возможностей подбодрить его. Ни с кем больше он практически не общается. Такие дела. Кто-то тут пошутил: «Это не дом творчества, а дом старчества». Пожалуй, так оно и есть.

Рашит Султангалеев из Башкортостана тоже здесь. Жалуется: «У литературы нашей нет будущего, молодёжь в литературу не идёт. Союз писателей заполняем стариками». К сожалению, и у нас дела обстоят не лучше. Число подлинных писателей уменьшается. Татар в Башкортостане убеждали-убеждали, что он башкир, в результате, не превратились ли наши таланты в тыквенные головы? Да, истинная литература произрастает лишь на своей родной почве!

Дошла весть, что восьмидесятилетие Амирхана-ага прошло замечательно. Он один из наших самых праведных людей, хотя и не раскрыл всего того, что накопил в душе. Его талант внёс в нашу литературу значительный вклад. Взять хотя бы его рассказы «Матурлык» («Красота»), «Тауларга карап» («Глядя на горы»)! До сих пор по достоинству мы не оценили сущности тех явлений, которые он вскрыл в своих повестях. Настоящее слово об Амирхане Еники ещё не сказано. Кто его скажет, интересно?..

В эпиграфе я процитировал слова нашего великого современника Александра Исаевича. Мысль, заставляющая вздрогнуть. Вернётся, вернётся вместе с А. Сахаровым и А. Солженицын. В истории, где современниками были и мы, они останутся национальными героями. Признаёмся, и мы угодничали, и мы, поднимаясь с мест, рукоплескали книгам Брежнева. Может, ещё не опоздали, давай и мы поживём по-новому, поживём, обновляя души. Остались ведь ещё и у нас совесть и честь. До свидания. Привет друзьям.

Твой Аяз.

Мухаммет!

Помнишь ли деревню Кызыл-Яр? Вечер. Полнолуние. Улицы пустынные. Взяли мы с тобой Фана Валиахметова в серёдку, и его тальянка зазвучала истинно по-деревенски. Идём втроём и не умещаемся на улице. Ты с Фаном поёшь... Когда ещё тальянка на улицах Кызыл-Яра будет играть-заводить так вдохновенно? Даже собаки замолкли. Или мы тут такие были последними? Много ли осталось таких песенных татарских улиц? Ибрагим-ага, ведя рукой по кругу площади, перечислял: «Здесь вот стоял домина такого-то богача, рядом дом – другого богача, далее – татарина-торговца, а ближе сюда – один лишь фундамент, сравнявшийся с землёй, такого-то богатого человека. Были дома – и нет. Вместо них теперь большая площадь с памятником Ленину посередине.

Входим в новую жизнь, в капитализм. Жизнь изменится, может быть, и похорошеет. Вернутся торговцы, предприниматели, но возродится ли полноценное татарское общество? Вернутся ли вера и духовное единство?

Вчера потрясённо слушал указ Ельцина. Утром радио сообщило о непризнании чеченами этого указа и неподчинении избранного чеченским народом президента Дудаева Ельцину. Можно понять чеченский народ, который совсем недавно испытал широкомасштабный геноцид. Это единый народ, победить его будет непросто. Земля чеченская – это тебе не Карабах, не Сумгаит, не Новый Узень. Чеченец по своей натуре – это клубок нервов, это сжатая пружина, это патрон в стволе винтовки. Горячий народ, гордый, высокомерный. В лагере самым гибнущим народом был чеченский. Чеченские женщины не уговаривают своих мужчин остаться дома, они вдохновляют своих мужей и сынов на ратные подвиги во имя родины. Подростки, живые, как ртуть, мальчишки рвутся за своими отцами.

Аллах свидетель: чеченский народ можно представить себе в разных плоскостях, чеченский характер достаточно хорошо отображён в литературе. А я думаю о своём народе – о татарах... И предаюсь унынию. Течение моих мыслей несётся куда-то и, словно разбившееся зеркало, крошится на мелкие кусочки, и я вижу свой народ в отдельных осколках. В одном – лицо, в другом – уши, в третьем – подбородок и т. п.

В прошлом году, в день памяти, широкими рядами идём с площади свободы к Кремлю. Звучат слова, восхваляющие Аллаха, различные лозунги... В такой колонне я иду впервые. Из группы татарской молодёжи догнал меня Роберт Миннуллин, спрашивает: «О чём думается, Аяз-абый?» Начал было отвечать: «Не трудно догадаться, о чём сейчас мои мысли...», но как-то вдруг осёкся. «А о чём думает весь этот народ вокруг меня?» – подумалось. Что сегодня объединяет татар, кто они теперь по своей сути? Татар начала века ещё понять можно. По своему их увидел Маджит Гафури. Он не смог подняться выше самого ленивого, самого неспособного, самого слабого слоя татарского населения. В медресе преподавались бестолковые науки, обучались глупые шакирды (если не изменяет память, – это его «Ступени жизни»), а эта молодёжь с главной гордостью – кустистыми усами («Бедняки или сожительница»)... Другие татары – европеизированные, устремлённые к науке, искусствам, свободе, – были близки Фатиху Амирхану. Мыслящие, крепко вставшие на ноги, не хуже других наций предстал наш народ в произведениях Гаяза Исхаки. Составитель учебников Альберт Яхин высказал интересную мысль: «По возможности ознакомился с произведениями Исхаки, но не смог ни одно из них включить в учебники». Да, легко найти гладкопись, вещи «правильные», без сучка и задоринки, и включить в учебники, совсем другое дело – произведения вольные, не уместяющиеся в учебные трафареты... Гаяз Исхаки – писатель, сумевший вырваться из традиционных, узких рамок татарской литературы, он разглядел в нашем народе общечеловеческие качества. Взглянем лишь на щекотливую тему – тему человеческой любви. У Гаяза Исхаки – герои свободные, с возросшими амбициями. Его герой как свободный человек преспокойно живёт в Финляндии с русской женщиной. Рука молодого муллы свободно гуляет по телу служанки, и это не вызывает ощущения неловкости. Исхаки снимает с женщин-татарок паранджу, с мужчин сдёргивает маску напускного приличия. Его герои – обыкновенные, земные люди. Они одинаково грешны и одинаково честны и порядочны. Одним словом, Исхаки выводит своих соплеменников на одну ступень с самым широким обществом современников. О татарах Махмута Галяу полноценного мнения ещё не составлено. Руки, что ли, не доходят до кропотливого исследования своего культурного наследия... Пожалуй, мы даже не любим писателей, глубоко копающих при раскрытии образов татарского народа... Вот, скажем, большевик Галимджан Ибрагимов татар никогда не любил. Возьмём лишь предисловие к роману «Красные цветы»! Не стану приводить примеры, скажу только: прочитав Г.Ибрагимова, настоящего образа из нашего народа я так и не нашёл. Потом идут А.Еники, Ф.Хусни, И.Гази и т. д.

И наконец в литературе встречаем большой отрезок под названием «Татары периода Мухаммета Магдеева». Светлый период. Богатые душой татары, счастливые, грустные, не задумывающиеся о своей национальной принадлежности, нелицемерные, разные. Татары периода Мухаммета Магдеева стоят ещё в стороне от национальных противоречий, им присущи искренность, простота... Ты сделал большое дело, дав литературе татар своего периода. О себе не буду писать, мы с тобой люди равные. Знаю, что ты хорошо чувствуешь, что между нами общего и что разного.

Татары из рассказа А.Еники «Красота» так и стоят перед глазами. В памяти герои татарской литературы шестидесятых годов. Образы и персонажи произведений Ш.Камала, Ф.Амирхана, К.Тинчурина в определённой степени помогают понять характер татарского народа...

А кто есть татары сегодняшнего дня? Колыбель татар – деревня. Но она оборвалась, число татарских сыновей-дочерей год от году сокращается. Деревня пришла в упадок. Сильных аулов раз-два и обчёлся. И то они, оставшиеся, живы благодаря отдельным сильным личностям.

Что объединяет сегодня татар? Сегодня деревенские ребята окончили по восемь-десять классов, мужчины отслужили в армии, побывали в Афганистане, Сумгаите, Фергане... Когда у нашего деревенского есть трое детей, то две дочери его замужем за русскими, а сноха – мокшанка. Девчата у нас, как угорелые, оставляли родные деревни и на чужбине выходили замуж за представителей других наций, рожая нам внуков-внучек различных национальностей, только не татар.

Объединяет ли нас религия наша? Наблюдая за нашими стариками, посещающими мечети, запас прочности у нас остался лет на десять. Старики, успевшие в начале XXI века отведать вкус религии, скоро отойдут в мир иной. Ожидать, что родившиеся от теперешних гопников, алкашей и инвалидов дети смогут приобщиться к Корану, вряд ли приходится.

Катастрофически сужается круг читателей газет и журналов. Тиражи падают. А ведь литература, искусство, печатное слово в средствах массовой информации – единственная наша нравственная и духовная опора. Нет у нас организации, которая бы в научно обоснованном порядке делала татар татарами. Мы, сегодняшние татары, знающие родной язык кое-как, не получившие исторического, системного образования, лишённые чувства национальной гордости, с какими мыслями вышли на день памяти? Что нас ведёт в этот день? Сколько у нас татарских семей и сколько от них останутся детей-татар?

Ризван Хамид рассказывал, входит он после указа Ельцина в бильярдную, а там полно народу. Есть свои – писатели, но много и «гостей» из постоянно ошивающихся вокруг Дома творчества, И все одно и то же твердят: «Власть слишком мягка. Раскатать надо этих чеченцев танками, чего церемониться?!». Тут один вносит ясность: «У них оружия полно!» Поэт Алексей Марков замечает: «Зато самолётов у них нет. Бомбить надо и сровнять с землёй». Бедняга, у самого рак, жить осталось месяца полтора, рассказывал, что похудел на тридцать пять килограммов, а сам всё крови жаждет, торопится оставить под танками, сровнять с землёй женщин и детей своей же страны, народ, который в 1944 году был лишён родной земли, народ, стремящийся к свободе. Обрати внимание, что дальше он сказал: «Если бы большевики не дали слабину, то мы б и Польшу с Финляндией не выпустили из своих рук». Ёлки-палки, оказывается, надо было и Финляндию направить по счастливому коммунистическому пути! Вот настоящее имперское мышление. Слава Аллаху, есть ещё на свете Сахаровы, живут Викторы Астафьевы. Российский народ богат, ещё скажет он своё слово на площадях страны. В какую сторону меняется мир? Сейчас перед силовыми структурами – Чечня. А потом? А у татар есть ли лидеры, которые могут встать за свой народ, не щадя своей жизни?

Вот, Мухаммет, над чем ломаю голову, вместо того, чтобы писать романы и повести. Ломаю голову, как разрубить гордиев узел? Знаю, что ты, моряк, гордился, что можешь завязать двадцать два вида узла. И вот я обращаюсь к тебе, академику узлов. Если не к тебе, то к кому? Сибгат-ага... Пусть земля будет ему пухом. Заставил он нас прочесть молитву.

И Ризван здесь. Встречаемся. Прочёл его сборник, послесловие к которому я сам и написал. Ещё раз убедился, что есть у нас ещё думающие парни. Мы не одиноки, Мухаммет. Не давая ходу именам Шарифа Камала и Ризвана Хамида, наша культура сужает свои сферы. Если останется жива татарская нация, его национальный театр, то пьесы Ризвана Хамида ещё вернуться к жизни. Непременно.

Ведём спокойную, уравновешенную жизнь. Спиртного в рот не берём, никуда практически не ходим – дороги плохие, небо гнилое, царит влажная печаль. Не исключить ли из словарей слова «чистота», «красота», «солнечность»? Если будет всё нормально, вернусь 27-го. Пока, до свидания.

С наилучшими пожеланиями – Аяз.

* * *

16 февраля, Казань. Утро.

Мухаммет, доброе утро!

Пожалуй, живу я узкой, ограниченной, замкнутой в себе жизнью... Посмотри, что делается вокруг – страны грызутся из-за Чёрного моря, теребят Крым, а мне хоть бы хны! Приперев двери университета брёвнами, российских демократов изгнали из Казани. Слышанное ли это дело! Татарская молодёжь волнует Казань – Челябинск, Уфу – Оренбург, готовит свой курултай и готовится избрать там своего президента. А я даже ухом не веду. Безразличен. Татарский народ спорит, куда заведут нас «великие понукатели» XX века, а у меня даже волос не шелохнётся. Чему быть, того не миновать, я вверяю свою судьбу воле Всевышнего. Это вернее, чем верить «жестяным петухам».

Не успел подумать о том, что сердце моё превращается в мёрзлый кочан, как вздрогнул. Ты сказал, что свой архив стал переносить в одну какую-то организацию, и тем самым ошарашил меня. Ещё ты добавил: «Нурихан Фаттах давно уже всё своё перетаскал». Ты это по примеру Нурихана Фаттаха делаешь или сам до этого дошёл? Ты знаешь ведь, у меня такой прозорливой способности нет. Делаю бесполезные ходы, порой ломлюсь в открытые двери и всё больше и больше извлекаю из твоих действий рациональное, а в этот раз как-то растерялся.

Разговор о Нурихане короткий. Он определял свои цели, намечал пути следования прежде, чем начинал работать. Он жил, как мудрец в пещере, не ел, не пил, прочёл-перелистал горы книг и словарей. Сначала мы все восхищались им. Его «Письмена Ферста» должны были принести ему славу, величие и должны были принести его душе успокоение за годы, проведённые в самозабвенном труде. Прошло его пятидесятилетие, исполнилось шестьдесят, но ожидаемая слава не пришла. Наоборот, он понял, что своим топором пытался свалить тысячулетний, непоколебимый дуб. Человек, когда вдруг понимает, что большой труд его прошёл безрезультатно, озлобляется. Помнишь его статью в «Татарстан яшьләре» («Молодёжь Татарстана» – прим. ред.)?

Шаг Амирхана я понимаю. Но ты-то, человек, спутник мой, державший в руках татарскую душу и переложивший её на страницы нашей истории, вдруг решил снести свои архивы на бездушный холодный склад. Не рановато ли, не поторопился? Архив твой – тыл твой, опора... Вот я сижу и разбираю свои письма, касаемые лагерей. Какие ценные документальные сведения хранятся в них. Сохранилось вот несколько удивительных писем Лены Иваненко. Отсидев 13 лет,

она в марте 1954 года была освобождена из лагеря Актаса и отправлена в ссылку. Её письма из ссылки не сохранились, а я ей, оказывается, в течение пяти дней написал 17 писем. Вообще-то я начал переписываться с ней ещё в 1951 году. А письма Козлова-Куманского (одного из близких моих друзей там), которые я получил после своего освобождения!.. А письма И. С. Велягурского, который присылал мне с письмами и деньги. Козлов-Куманский присылал мне посылки... По его письмам можно было узнать, кто я такой и чем живу... Письмам твоим – и небольшим, отрывчатым, и необъятным – лежать на холодных, казённых полках в ожидании после твоей смерти прикосновения чужих рук, чужих взглядов.

Эх, друг мой Мухаммет! Может, отношения к созданным тобой драгоценностям будет другим, но определённо, что после твоей смерти они не залежатся. Народ подымет твоё наследие, тропа к тебе народная не зарастёт. Но вот сегодня, когда ты весь кипишь в работе, когда ты в полном расцвете сил, народ что-то не объявляет тебя пророком. О себе уж и не говорю. Народ мой никогда не был у меня в друзьях. Я это давно знаю. И мучаюсь, зная это.

Кто понимает наши переживания? Разве литературное произведение – это не сгусток душевных болей писателя? Не я ли связан тобой одними постройками в постоянной думе о татарском народе? Да простят современники, я ставлю нас с тобой в этом случае в одну упряжку. Кроме нас на этом пути я вижу только Амирхана Еники. Впрочем, порою, мой исполин, я опасаясь того, что в конце своего жизненного пути упрусь вдруг, как Нурихан, в глухую каменную стену. Жили, старались, казалось даже, горели. А что в результате? Пробуждали мы у народа высокие порывы, любовь к родине, к народу? Или нет? Вот вопрос. Когда предо мной встают подобные вопросы, я как-то начинаю отдаляться от тебя, завоевавшего душу народа, смогшего быть с ним рядом и в дни бедствий, и в дни торжеств. Ты никогда не был так одинок, как я. Ты всегда был в центре майдана, заполненного народом. Что интересно, я греюсь теплом народной любви к тебе. Эта всеобщая любовь к тебе – и мне большая радость.

Проводы своего архива – это что? Объясни. Ты что, больше не думаешь возвращаться к своему прошлому? Они, эти архивные материалы, разве не те наши ивы, которые тянут из земных глубин живительные соки для литературного творчества? Прислонись к ним, подумай.

У тебя есть сын. Посредством твоего отношения к нему и я принял его в свою душу. Я считаю его твоим законным наследником, единомышленником, соратником. Разве не достоин он принять сокровищницу твоей души? Разве нельзя доверить ему твое литературно-архивное наследство? Разве дети не должны пройти сквозь толщу отцовского наследия? Понимаю, разобраться в рукописных и прочих бумажных томах писателя не каждому дано. Но как, самолично не оценив безграничное духовное богатство отца, самому стать духовно богатым человеком? Нет ли у тебя хоть какой-то части архива, посвящённого, предназначенного сыну?

Твой сын, мои сыновья понесут наши фамилии в XXI век. Нет, Мухаммет, я не лезу в твои с сыном взаимоотношения. Просто размышляю вот. С одной стороны, я уверен, что сыновья мои меня не забудут, я останусь в их крови и памяти, в определённых жизненных ситуациях они будут оглядываться на меня; с другой – что-то незаметно колеблется в душе: «Не ошибаюсь ли?»

Нам от наших отцов-дедов никаких богатств не осталось. Вещей даже каких-либо порадовать глаз не сохранилось. Старик Гилязутдин, даровавший мне мою фамилию, в конце XIX века со всей своей семьёй, детьми, переехал в Турцию и там обосновался. Моя родственница – старше меня на два года, жившая в молодости в Сарманах и избравшая в мужья Баяна Гиззата, – Лейсан вспоминает, что письма из Турции, из Измира приходили. Почему же тогда в Турцию не переехал старший сын старика Гилязутдина по имени Сахабутдин, мой дед, каким образом

он здесь остался – никто не знает. Хазрет Сахабутдин был уничтожен в начале тридцатых годов в елабужской тюрьме. А.Л.Литвин говорил: «Давай попробуем – поищем». Но в руках нет ни одного конкретного факта, никакой зацепки. Не знаю даже фамилии деда. Как попал в тюрьму, за что? Отец мой – простой учитель советского времени – был тихим, осторожным человеком. Никогда не произносил имени своего отца. Никогда. Хазрета Сахабутдина я знаю лишь по рассказам матери. Не могу винить отца за его чрезмерную боязливость – попробуй-ка в те времена помяни своих далеко не рабоче-крестьянского происхождения предков. Тебе это не по седьмое, по семнадцатое колено аукнется!

А вот деда с бабушкой со стороны матери знал. Это большое счастье. Если во мне есть что-то хорошее – национальный дух, смекалка, какие-то способности, – то этому я обязан своей бабушке Зулейхе и дорогому моему деду Сулейману по прозвищу «немец». Какими широкой души людьми они были! Сколько доброго и жизненно ценного передали вдале, будущим поколениям! Наука доказывает, что дети, выросшие без дедушек-бабушек, ущербны, они выросли, не совсем полнокровно вобрав в себя живительные токи своих прародителей. И у Пушкина была своя няня, и у Лермонтова была своя бабушка...

Как ни прискорбно, но фотоснимков не осталось ни от хезрата Сахабутдина, ни от рано ушедшей из жизни Гилембаян. Умерли и превратились в прах, хотя род их продолжал жить. Не осталось фотографий и от деда Сулеймана. Он живёт в моей памяти белым-белым, величавым дедом-учёным. В прошлом, 1991, году я побывал в Заинске у родственника Талгата и на одной коллективной фотографии узнал бабушку Зулейху... Привёз с собой, увеличил, сейчас думаю отнести её на реставрацию.

Лет семь-восемь назад я то же самое сделал с фотографиями своих отца и матери, поместив их в красивые рамы. А это фото родителей – среди берёз возле нашего дома – сделал мой старший брат Азат в деревне Урта-Ваграж. Эти берёзы посадили мы с отцом вместе. Потом разыскал я и первые фотографии отца-матери, сделал копии и для альбомов сыновей. Дорогие фотографии бабушек и дедушек... Пусть хранятся вечно.

Вот заимеют свои дома или квартиры, так повесят, думал я, в красном углу портреты своих бабуль и дедуль. А рядом – и Накии со мной. Встанут рядом с нами сыновья со снохами и почувствуют ответственность перед будущими нашими поколениями... Как хорошо!

Переселились в свои квартиры Искандер с Мансуром, обставили их мебелью, прочли Коран. Вошли в их дом наша культура и вера во Всевышнего... Только никак не могут пройти в горницу бабушка и дедушка в виде фотографий, сделанных специально для них моими руками.

Растерялся, упёрся, как говорят у нас в народе, задом в печь. Советская идеология, коммунистическая хмарь затмили умы детей человеческих, они оторвались от своих корней, лишились древа наследственности, которое приносило полновесные плоды. В результате мои естественные отцовские устремления упёрлись в стену. И это ведь мои сыновья, получившие добропорядочное, в духе нашего народа воспитание! Возле них жила бабушка со святой душой, привезшая из деревни целый воз ценностей, естественно, духовных. Но всеобщая послереволюционная катастрофа, нигилизм, видать, в какой-то мере вошли и в их кровь. Пока у сыновей нет светлого интереса к прошлому, стремления к генеалогической памяти. Быть может, я слишком строг, пройдёт время, поживут-поживут они, повзрослеют, проснётся в них кровь, и обернутся они к своим бабушкам-дедушкам.

Или я опять ошибаюсь, думая, что дети, сегодня глядящие на фотографии предков сквозь пальцы, завтра по-настоящему заинтересуются рукописными архивами отца? Что – опять ты тут всё понял раньше меня?

У нашего народа плохая память. Эту горькую истину я повторяю часто. Из всех уголков России пишут: «Татарский народ просыпается, татарский народ проснулся!» Если бы! Возникает вопрос: «Кто именно проснулся? Какое поколение?» Кто сегодня выходит на центральные площади Казани, размахивая алыми стягами? К сожалению, пока мы видим на майданах лишь старшее поколение, которое уже на пороге этого мира. В его ослабленных клетках ещё бьются токи наших предков. А что же среднее поколение? Где наши национальные табибы, способные вдохнуть жизнь в мертвечину? Кому мы оставим наше высокое народное достояние, добытое такими светочами национальной культуры, как – С.Сайдаш, А.Еники, И.Шакиров, Р.Яхин, Р.Хасанова, М.Магдеев?.. В какие руки передадим эстафету? На эти вопросы сегодня у меня нет ответа. Между стариками и нынешней молодёжью обозначился непреодолимый ледник.

И ты, доверившись представителям адского поколения, поспешно передаёшь им свой архив?.. Этот твой неожиданный шаг как бы смерть торопит. У меня мурашки по телу побежали. Я же старше тебя по возрасту.

Вдобавок, меня гложет сахар, заставляет потихоньку гнить изнутри. Смотришь, сверху, вроде бы, белый снег, а под ним уже тёмный подтаявший погреб. «Просыпается», – говорят. Если бы! Сказал, что подёрнут я каким-то внешним безразличием. А безразличие порождает поверхностность взгляда. Дай-то Аллах, чтобы многие мои опасения, высказанные в этом письме, оказались ошибочными.

Накая, опытный педагог, мать троих сыновей, всю жизнь преподавала татарский язык в русских школах, и она, сколько лет глядевшая в глаза так называемых татарских детей, не может сказать, что наш народ просыпается. По вечерам я выхожу погулять во двор, где находится детский садик, и наблюдаю, как дети идут с родителями домой. Прислушиваюсь в надежде, что услышу из детских уст хоть одно слово на родном языке, – нет. Хоть бы один ребёнок, соскучившийся за целый день по матери, воскликнул звонко: «Әни!» («Мама!». – *прим. ред.*)

Где эти дутые оптимисты видят пробуждение нации? В мечетях? Там остались последние осколки старого поколения. Ты ведь просматриваешь газеты, кто там в авторах большинства заметок? «Шахри Казан», «Соцтатарстан» давно превратились в рупор тех самых стариков из мечети, инвалидов, пенсионеров... Это и есть пробуждение? Зачем мы пускаем пыль друг другу в глаза?

Вот ты в этой ситуации передаёшь в ледяные руки служителей казённого хранилища жаром пышущие слова своей пламенной души. Я не понимаю этого. Я, видать, силен задним умом, друг Мухаммет. До меня долго доходит.

Пока, мой современник! Писал, волнуясь, из-за чего письмо моё мотало в разные стороны, прямую линию её сам определи.

С глубоким уважением – Аяз.

Перевод с татарского А.Мушинского, А.Сафиуллина